

После освежающего купания и джина с тоником на причале Гамаша приняли душ, а затем присоединились к остальным гостям в столовой для ужина. Свечи горели в ураганных лампах, а каждый стол был украшен простыми букетами старых английских роз. Более пышные композиции стояли на каминной полке - огромные букеты из пионов и сирени, голубых дельфиниумов и кровоточащих сердец.

Финни сидели вместе, мужчины - в пиджаках, женщины - в прохладных летних платьях для теплого вечера. Бин был в белых шортах и хрустящей зеленой рубашке.

Гости смотрели, как солнце садится за холмы озера Массавиппи, и наслаждались блюдом за блюдом, начиная с букета из местного карибу от шеф-повара. Рейн-Мари попробовала эскарго а-л'айль, затем утиную грудку с конфи из дикого имбиря, мандарина и кумквата. Гамаш начал со свежей ракетты из сада и натертого пармезана, затем заказал органического лосося с йогуртом из щавеля.

"А на десерт? Пьер поднял бутылку из ведра и налил последнее вино в их бокалы.

Что вы порекомендуете? Рейн-Мари едва верила, что спрашивает.

Для мадам - свежее мятное мороженое на эклере с кремовой начинкой из темного органического шоколада, а для месье - пудинг дю хомэр а л'эрабле с кремом шантильи".

О, Боже, - прошептала Рейн-Мари, повернувшись к мужу. "Что сказал Оскар Уайльд?

"Я могу противостоять всему, кроме искушения".

Они заказали десерт.

Наконец, когда они уже не могли больше есть, приехала тележка с сыром, нагруженная ассортиментом местных сыров, изготовленных монахами из близлежащего бенедиктинского аббатства Сен-Бенуа-дю-Лак. Братья вели созерцательную жизнь, разводили животных, делали сыр и пели григорианские песнопения такой красоты, что, как ни странно для людей, сознательно ушедших от мира, стали всемирно известными.

Наслаждаясь сыром, Арман Гамаш смотрел на озеро в медленно угасающем свете, как будто день такой красоты не хотел заканчиваться. Виднелся одинокий огонек. Коттедж. Вместо того чтобы быть вторжением, нарушающим нетронутую дикую природу, он был гостеприимным. Гамаш представил себе семью, сидящую на причале и наблюдающую за падающими звездами, или в деревенской гостиной, играющую в джин-рамми, или в скрэббл, или в криббидж при пропановых лампах. Конечно, у них было бы электричество, но это была его фантазия, и в ней люди в глухих лесах Квебека жили при газовых лампах. Я звонила в Париж и разговаривала сегодня с Розлин". Рейн-Мари откинулась в кресле, услышав, как оно удобно скрипнуло.

'Все в порядке?' Гамаш изучал лицо своей жены, хотя знал, что если бы были какие-то проблемы, она бы сказала ему об этом раньше.

Лучше не бывает. Осталось два месяца. Это будет сентябрьский ребенок. Ее мать поедет в Париж, чтобы позаботиться о Флоранс, когда родится ребенок, но Розлин спросила, не хотим ли мы тоже поехать".

Он улыбнулся. Они, конечно, говорили об этом. Они отчаянно хотели поехать, увидеть свою внучку Флоренс, увидеть сына и невестку. Увидеть ребенка. Каждый раз, когда он думал об этом, Гамаш дрожал от восторга. Сама мысль о том, что у его ребенка будет ребенок, казалась ему почти невероятной.

Они выбрали имена, - сказала она небрежно. Но Гамаш знал свою жену: ее лицо, ее руки, ее тело, ее голос. И ее голос только что изменился.

Расскажите мне. Он отложил сыр и сложил свои большие, выразительные руки на белой льняной скатерти.

Рейн-Мари посмотрела на своего мужа. Для такого крупного мужчины он мог быть таким спокойным и сдержанным, хотя, казалось, это только усиливало впечатление силы.

Если это будет девочка, они думают назвать ее Женевьевой Мари Гамаш".

Гамаш повторил имя. Женевьева Мари Гамаш. 'Это прекрасно.'

Это имя они напишут на поздравительных и рождественских открытках? Женевьева Мари Гамаш. Будет ли она взбегать по лестнице в их квартиру в Аутремонте, топая маленькими ножками и крича: "Дедушка, дедушка"? А он будет звать ее по имени: "Женевьева!", а потом подхватит ее на руки и будет держать в безопасности и тепле в том кармашке на плече, который он берег для любимых людей? Возьмет ли он однажды ее и ее сестру Флоранс на прогулку по парку Мон-Руаяль и научит ли их своим любимым стихам?

Там дышит человек с такой мертвой душой.

Который никогда не говорил себе,

"Это моя собственная, моя родная земля!

Как учил его родной отец.

Женевьева.

"И если это будет мальчик, - сказала Рейн-Мари, - они планируют назвать его Оноре".

Наступила пауза. Наконец Гамаш вздохнул: "Ахх", и опустил глаза.

Это прекрасное имя, Арман, и прекрасный жест".

Гамаш кивнул, но ничего не сказал. Ему было интересно, что он будет чувствовать, если это случится. По какой-то причине он подозревал, что так и будет, возможно, потому что знал своего сына. Они были так похожи. Высокий, мощно сложенный, мягкий. И разве он сам не боролся с желанием называть Даниэля Оноре? Вплоть до крещения его должны были звать Оноре Дэниел.

Но в конце концов он не мог так поступить со своим сыном. Разве жизнь не была достаточно трудной без того, чтобы пройти через нее с именем Оноре Гамаш?

Он хотел бы, чтобы вы ему позвонили.

Гамаш посмотрел на часы. Почти десять. Я позвоню завтра утром.

'И что вы скажете?' Гамаш взял жену за руки, затем опустил их и улыбнулся ей. Как вам кофе с ликером в Большом зале?

Она искала его лицо. Не хочешь прогуляться? Я распоряжусь насчет кофе".

'Merci, mon coeur.'

'Je t'attends.'

Дышит там человек с такой мертвой душой, прошептал про себя Арман Гамаш, шагая размеренным шагом в темноте. Сладкий аромат ночного бульона составлял ему компанию, как и звезды, луна и свет на берегу озера. Семья в лесу. Семья из его фантазий. Отец, мать, счастливые, процветающие дети.

Ни горя, ни потерь, ни резкого стука в дверь по ночам.

Пока он смотрел, свет погас, и все вокруг погрузилось во тьму. Семья спит, мирно.

Оноре Гамаш. Было ли это так неправильно? Разве он был не прав, чувствуя это? И что он скажет Дэниелу утром?

Он уставился в пространство, размышляя об этом в течение нескольких минут, затем медленно

осознал, что в лесу что-то есть. Светящееся. Он оглянулся, чтобы посмотреть, нет ли там кого-нибудь еще, другого свидетеля. Но терраса и сады были пусты.

Любопытствуя, Гамаш пошел к нему, трава мягко стелилась под его ногами. Оглянувшись назад, он увидел яркие и веселые огни Мануара и людей, двигавшихся по комнатам. Затем он повернулся обратно к лесу.

Там было темно. Но они не были безмолвными. Там двигались существа. Щелкали ветки, с деревьев падали предметы и с тихим стуком падали на землю. Гамаш не боялся темноты, но, как большинство здравомыслящих канадцев, он немного побаивался леса.

Но белое нечто светилось и звало, и, подобно Улиссу с сиренами, он был вынужден идти вперед.

Оно стояло на самом краю леса. Он подошел к нему и с удивлением обнаружил, что оно большое, твердое и идеально квадратное, как массивный кубик сахара. Она доходила ему до бедра, и когда он протянул руку, чтобы дотронуться до нее, то с удивлением отдернул ее. Она была холодной, почти липкой. Протянув руку снова, на этот раз более решительно, он положил свою большую ладонь на верхнюю часть коробки и улыбнулся.

Это был мрамор. Он боялся мраморного куба, усмехнулся он про себя. Очень унижительно. Отступив назад, Гамаш уставился на него. Белый камень светился, словно улавливая то небольшое, что давал ему лунный свет. Это всего лишь мраморный куб, сказал он себе. Не медведь и не пума. Не о чем беспокоиться, и уж точно ничто не может его напугать. Но это было так. Это напомнило ему о чем-то.

"У Питера выскочил вечно фиолетовый прыщ".

Гамаш замер.

"У Питера выскочил вечно фиолетовый прыщ".

Это было снова.

Он обернулся и увидел фигуру, стоящую посреди лужайки. Над ней висела легкая дымка, а возле носа светилась ярко-красная точка.

Джулия Мартин вышла покурить. Гамаш шумно прочистил горло и провел рукой по кусту. Мгновенно красная точка упала на землю и исчезла под изящной ножкой.

Добрый вечер", - весело поздоровалась она, хотя Гамаш сомневался, что она могла знать, кто здесь находится.

Бонсуар, мадам", - ответил Гамаш, слегка поклонившись, когда подошел к ней. Она была стройна и одета в элегантное вечернее платье. Прическа, ногти и макияж были ухожены, даже в пустыне. Она провела тонкой рукой перед лицом, чтобы рассеять резкий запах табака.

"Жуки", - сказала она. Черные мухи. Единственная проблема восточного побережья".

'У вас нет черных мух на западе?' - спросил он.

'Ну, в Ванкувере их немного. Несколько оленьих мух на полях для гольфа. Сводят с ума".

В это Гамаш мог поверить, поскольку сам мучился от оленьих мух.

К счастью, дым отпугивает насекомых, - сказал он, улыбаясь.

Она заколебалась, потом захихикала. У нее были легкие манеры и легкий смех. Она коснулась его руки знакомым жестом, хотя они были не так уж и знакомы. Но это не было навязчивостью, просто привычка. Наблюдая за ней в последние несколько дней, он заметил, что она прикасается ко всем. И она улыбалась всем. 'Вы поймали меня, месье. Украдкой выкурил сигарету. Правда, довольно жалкая.

'Ваша семья не одобрила бы это?'

В моем возрасте меня уже давно не волнует мнение других.

Правда? Я бы хотел.

'Ну, возможно, я немного забочусь', - призналась она. Давно я не была со своей семьей". Она посмотрела в сторону Мануара, и он проследил за ее взглядом. Внутри ее брат Томас наклонился и разговаривал с их матерью, а Сандра и Мариана смотрели на них, не разговаривая и не подозревая, что за ними кто-то наблюдает.

Когда пришло приглашение, я почти не пришла. Это ежегодная встреча выпускников, вы знаете, но я никогда не была там раньше. Ванкувер так далеко".

Она все еще могла видеть приглашение, лежащее лицом вверх на сверкающем деревянном полу ее впечатляющего подъезда, куда оно упало, словно с большой высоты. Ей было знакомо это чувство. Она смотрела на плотную белую бумагу и знакомые пауэчи каракули. Это было состязание воли. Но она знала, кто победит. Кто всегда побеждал.

Я не хочу их разочаровывать", - наконец тихо сказала Джулия Мартин.

Я уверена, что ты не сможешь этого сделать".

Она повернулась к нему, ее глаза расширились. "Правда?

Он сказал это из вежливости. Честно говоря, он понятия не имел, как семья относится друг к другу.

Она увидела его колебания и снова рассмеялась. Простите меня, месье. Каждый день, проведенный с семьей, я регрессирую на десятилетие. Сейчас я чувствую себя неловким подростком. Нуждающимся и курящим тайком в саду. Вы тоже?

'Курите в саду? Нет, уже много лет. Я просто исследовал'.

'Будь осторожен. Мы бы не хотели вас потерять'. Она говорила с намеком на флирт.

"Я всегда осторожен, мадам Мартен", - ответил Гамаш, стараясь не отвечать на флирт. Он подозревал, что для нее это было в порядке вещей и не причиняло вреда. Он наблюдал за ней в течение нескольких дней, и она обращалась ко всем одинаково, к мужчинам и женщинам, к родным и незнакомым, к собакам, бурундукам, колибри. Она ворковала со всеми.

Его внимание привлекло движение в стороне. Он увидел белое пятно, и на мгновение его сердце подпрыгнуло. Неужели мраморная штука ожила? Неужели оно приближается к ним из леса? Он повернулся и увидел, как фигура на террасе скрылась в тени. Затем она снова появилась. Эллиот, - позвала Джулия Мартин, - как чудесно. Ты принес мой бренди и бенедиктин?".

'Oui, madame.' Молодой официант улыбнулся, передавая ей ликер с серебряного подноса. Затем он повернулся к Гамашу. "А для месье? Что вам принести?

Он выглядел таким молодым, его лицо было таким открытым.

И все же Гамаш знал, что этот молодой человек притаился в углу ложи и наблюдал за ними. Почему?

И тут он рассмеялся над собой. Видеть то, чего нет, слышать произнесенные слова. Он приехал в Manoir Bellechasse, чтобы отключить это, расслабиться и не искать пятно на ковре, нож в кустах или спине. Чтобы перестать замечать злобные интонации, которые проскакивали в вежливой беседе на фоне разумных слов. А чувства сплющиваются, складываются и превращаются во что-то другое, как эмоциональные оригами. Сделанное для красоты, но маскирующее нечто совсем не привлекательное.

Это было настолько плохо, что он начал смотреть старые фильмы и думать, живы ли еще пожилые люди на заднем плане. И как они умерли. Но когда он стал смотреть на людей на

улице и замечать под кожей череп, пришло время сделать перерыв.

И все же он был здесь, в этом тихом домике, изучая молодого официанта Эллиота, и на грани того, чтобы обвинить его в шпионаже.

'Non, merci. Мадам Гамаш заказала нам напитки в Большую комнату'.

Эллиот удалился, а Джулия смотрела ему вслед.

"Он привлекательный молодой человек", - сказал Гамаш.

Вы находите его таким?" - спросила она, ее лицо было невидимым, но голос был полон юмора. Через мгновение она снова заговорила. Я как раз вспоминала подобную работу, которая была у меня примерно в его возрасте, но ничего такого грандиозного, как эта. Это была летняя работа в забегаловке на Мэйн, в Монреале. Знаете, бульвар Сен-Лоран?

"Я знаю.

Конечно, знаешь. Простите меня. Это была настоящая дыра. Минимальная зарплата, владелец был на все руки. Отвратительно.

Она снова сделала паузу.

"Мне это нравилось. Моя первая работа. Я говорила родителям, что буду в яхт-клубе брать уроки парусного спорта, но вместо этого я садилась на 24 автобус и ехала на восток. Неисследованная территория для англосаксов в шестидесятые годы. Очень смело", - сказала она самонасмешливым тоном. Но Гамаш знал время и понимал, что она права. Я до сих пор помню свой первый зарплатный чек. Взял его домой, чтобы показать родителям. Знаете, что сказала моя мама?

Гамаш покачал головой, потом понял, что она не видит его в темноте. "Нет".

Она посмотрела на него, потом отдала обратно и сказала, что я должен гордиться собой. И я гордился. Но было ясно, что она имела в виду что-то другое. И я сделал глупость. Я спросил ее, что она имела в виду. С тех пор я научился не задавать вопрос, если не готов к ответу. Она сказала, что у меня привилегированное положение и мне не нужны деньги, но они нужны кому-то другому. Я как бы украла их у бедной девушки, которая действительно нуждалась в работе".

Мне очень жаль, - сказал Гамаш. "Я уверен, что она не имела в виду это".

'Она это сделала, и она была права. Я уволился на следующий день, но время от времени я

возвращался и смотрел в окно на новую девушку, которая ждала столики. Это делало меня счастливой".

Бедность может довести человека до отчаяния, - тихо сказал Гамаш. "Но и привилегии тоже".

Я завидовала той девушке", - сказала Джулия. Глупо, я знаю. Романтично. Я уверена, что ее жизнь была ужасной. Но я подумала, что, может быть, она хотя бы была ее собственной". Она засмеялась и сделала глоток своего В&В. Прекрасно. Как вы думаете, монахи в аббатстве делают это? 'Бенедиктинцы? Я действительно не знаю.

Она засмеялась. 'Не часто я слышу эти слова'.

'Which words?'

'I don't know. Моя семья всегда знает. Мой муж всегда знал".

Последние несколько дней они обменивались вежливыми замечаниями о погоде, саде, еде в Мануаре. Это был первый настоящий разговор, который он завел с кем-то из них, и впервые она упомянула о своем муже.

Я приехала в Мануар на несколько дней раньше, знаете ли. Чтобы...

Она, казалось, не знала, что сказать, но Гамаш ждал. У него было все время и все терпение в мире.

Я нахожусь в середине развода. Не знаю, знали ли вы.

"Я слышал".

Большинство канадцев слышали. Джулия Мартин была замужем за Дэвидом Мартином, чей впечатляющий успех и столь же впечатляющее падение неустанно освещались в СМИ. Он был одним из самых богатых людей страны, сделав свое состояние на страховании. Падение началось несколько лет назад. Оно было долгим и мучительным, словно скольжение вниз по склону грязного холма. В каждый момент казалось, что он сможет остановить падение, но вместо этого он продолжал набирать скорость, набирая грязь, слизь и скорость. В конце концов, даже его врагам стало трудно смотреть на это.

Он потерял все, включая, наконец, свою свободу.

Но его жена стояла рядом с ним. Высокая, элегантная, достойная. Вместо того чтобы вызывать зависть своей очевидной привилегированностью, она каким-то образом сумела расположить к себе людей. Они были рады ее доброму настроению и разумным замечаниям. Они

отождествляли ее достоинство и преданность. И, наконец, они обожали ее за публичные извинения, которые она принесла в конце, когда стало ясно, что ее муж солгал всем и уничтожил десятки тысяч сбережений. И она пообещала вернуть деньги.

Теперь Дэвид Мартин сидел в тюрьме в Британской Колумбии, а Джулия Мартин вернулась домой. Она собиралась устроить свою жизнь в Торонто, говорила она журналистам незадолго до своего исчезновения. Но вот она здесь, в Квебеке. В лесу.

Я приехала сюда, чтобы перевести дух перед воссоединением семьи. Я люблю личное пространство и время для себя. Мне этого не хватает".

"Я понимаю", - сказал он. И сказал. Но есть кое-что, чего я не понимаю, мадам.

"Да? Она говорила немного настороженно, как женщина, привыкшая к захватническим вопросам.

У Питера выскочил вечно фиолетовый прыщ? спросил Гамаш.

Она засмеялась. 'Игра, в которую мы играли в детстве'.

Он мог видеть часть ее лица, отраженную в янтарном свете Мануара. Они стояли молча, наблюдая, как люди переходят из комнаты в комнату. Было ощущение, что они смотрят спектакль. Атмосферно освещенная сцена, различные декорации, украшенные и заселенные. Актеры двигались. И он снова посмотрел на свою спутницу и не смог удержаться от вопроса. Почему остальные члены ее семьи были там, как ансамбль на сцене? А она была снаружи, одна в темноте. Наблюдала.

Они собрались в Большом зале с его парящим деревянным потолком и великолепной мебелью. Мариана подошла к роялю, но мадам Финни отмахнулась от нее.

'Бедная Мариана'. Джулия рассмеялась. 'Ничего никогда не меняется. Магилла никогда не играет. Томас - музыкант в семье, как и мой отец. Он был талантливым пианистом".

Гамаш перевел взгляд на пожилого мужчину на диване. Он не мог представить, что его шишковатые руки будут создавать прекрасную музыку, но, вероятно, они не всегда были такими скрюченными.

Томас сел на скамейку, поднял руки и послал в ночной воздух звуки Баха.

"Он прекрасно играет", - сказала Джулия. "Я забыла".

Гамаш согласился. Через окна он видел, как Рейн-Мари заняла место, а официант поставил

перед ней два эспрессо и коньяк. Он хотел вернуться.

Еще один, знаете ли, впереди.

'Правда?'

Она старалась, чтобы ее тон был легким, но Гамашу показалось, что он уловил в нем какую-то нотку.

Рейн-Мари помешивала кофе и отвернулась, чтобы посмотреть в окно. Он знал, что она его не видит. На свету она увидела бы только комнату в отражении.

Вот он я, - прошептал его разум. Сюда.

Она повернулась и посмотрела прямо на него.

Конечно, это было совпадение. Но та его часть, которая не беспокоилась о причинах, знала, что она его услышала.

Завтра приезжает мой младший брат Спот. Он, вероятно, приведет свою жену, Клэр".

Это был первый раз, когда он услышал от Джулии Мартин что-то, что не было милым и приятным. Слова были нейтральными, информативными. Но тон был показателен.

Он был полон ужаса. Они вернулись в Manoir Bellechasse, и когда Гамаш открывал дверь для Джулии Мартин, он увидел мраморный ящик в лесу. Он разглядел лишь уголок ящика и сразу понял, что он ему напоминает.

Могильный знак.

<http://tl.rulate.ru/book/89525/2862364>